

PC

P69

I648671

Александр
Романов

ИЗБРАННОЕ

PC

P69

1648671

**Александр
РОМАНОВ**

Александр Романов

ИЗБРАННОЕ

1648671

Северо-Западное книжное издательство
1969

ВОЛГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Кругом вода сильна, нетороплива,
Заката краски сдержанно-пестры.
То тут, то там раскидистые ивы
Горят в лучах, как желтые костры.

За ними, как туманные полосы,
Стоят в воде ольховые кусты,
И моются застенчиво березки,
Хотя безукоризненно чисты.

И каждый ствол, и каждый голый кустик
В себе уверен, ждет поры такой,
Когда и он торжественно распустит,
Раскинет зонт зеленый над собой.

...И мы с тобой, товарищ, верим тоже,
Когда вокруг восторженно глядим,
Что лучший день у нас еще не прожит,
Что все-таки он где-то впереди.

1955 г.

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Твои подруги замужем давно,
Учительницы сельской семилетки,
Ты их порой встречаешь у кино
И — что скрывать — завидуешь нередко.

Они к тебе нешумно подойдут:
Начальство все же — секретарь райкома.
И до сеанса несколько минут
Поговорят охотно о знакомых.

Мол, та родила, и женился тот...
И ты за них, конечно, будешь рада.
Пойдешь одна, и на сердце падет
Неясная и тихая досада.

На что же? На кого же? Не понять...
Потом забудешь о досаде этой:
В райкоме заседания опять,
Беседы и вручение билетов.

И за день стольким руки ты пожмешь,
И в столько счастлих и несчастий вникнешь,
Что о себе ни разу не вздохнешь,
Не вспомнишь о раздумье о давнишнем.

И лишь когда останешься одна,
Когда мелькнут огни в тумане зыбком,
Почувствуешь ты снова, как нужна
Не встреченная до сих пор улыбка.

1955 г.

ТРОЕ

На стене с твоим портретом рядом
Фотоснимки двух мужчин висят.
На один ты смотришь грустным взглядом:
Снят на нем молоденький солдат.

В гимнастерке, без погон, в пилотке,
На груди широкой нет наград:
Путь солдата был совсем коротким —
В самых первых схватках пал солдат.

...Пусть уже давно случилось это,
Годы пусть проходят чередой —
Как живой, глядит с того портрета
Он, твой первый муж, защитник твой...

Ты теперь живешь в согласьи с новым.
Трепетную память о былом
Этот не обидит резким словом:
Сам солдатом был, фронтовиком.

Он хороший, но его невольно
Сравниваешь с первым, с тем, порой,
И тебе всегда бывает больно,
Если в чем-то не похож второй.

Он поймет, конечно. Он заметит,
Что ты брови хмуришь неспроста...
Так живет незримо с вами третий,
Ваша память, верность, чистота.

1956 г.

ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА

Масло верещит на сковородках.
Печка докрасна накалена...
Ты в косынке, в платице коротком
Здесь колдуешь снова дотемна.

Жаришь, паришь, отдыха не зная,
Синий зной качается кругом.
И добро б семья была большая,
А у вас два стула за столом.

Тот, кому готовится все это,
За столом сидит уже давно.
Тычет вилкой в жирную котлету,
Разливает крепкое вино.

Потный, красный, в вылинявшей майке,
Он доволен мастерством твоим.
Ну, а ты как будто не хозяйка,
А официантка перед ним.

Похвалам его совсем не рада,
Вяло улыбаешься в ответ.
И в твоём похолодевшем взгляде
Прежнего сиянья больше нет.

1956 г.

* * *

Мы только вместе посидели
Возле вагонного окна
Да на торжественные ели
Полубовались дотемна.

Мы только вместе спели песню
В кругу попутчиков-друзей
Да поиграли в шашки вместе,
Чтоб ехать было веселей.

Мы только вместе на вокзале
Каких-то несколько минут
Машин попутных поискали
И насовсем расстались тут.

И все как будто бы... Так что же
Меня который день подряд
Тоска неясная тревожит
И мучит тот последний взгляд.

И тот платок, и вздох глубокий.
Пойми, узнай — о чем, о ком?
Не обо мне ли ненароком,
А, может быть, и о другом...

Вот так бывает — ветер вешний
Качнет над речкою ивняк,
И после долго тот трепещет,
Не успокоится никак.

1956 г.

* * *

Поверишь ли, здесь не природа — чудо!
Иди любой дорогой и тропой —
Березняки и ельники повсюду
Шумят гостеприимно над тобой.

В прохладном мху, в суровом белоусе,
Под хрупкими валежинами ты
На спрятавшийся рыжик полюбуйся:
На нем роса, опавшие листья...

Усыпан лес грибами и брусникой...
Ну, а пойдешь по просеке назад —
Седые нитки паутины липкой
На рукавах и в чубе заблестят.

Вот и река. Подъязки плещут сонно.
Вода, как деготь, у кустов черна.
А наклонись и зачерпни ладонью —
Светлей и чище хрустала она.

И пахнет чем-то свежим, свежим всюду,
Куда б ни шел — на речку или в лес...
Да, здесь природа, в самом деле, — чудо,
Но без тебя мне очень грустно здесь.

1956 г.

ВИНА ТОВАРИЩА

Ему бы легче было, но смолчал,
Боясь упреков и обид случайных,
Что высказаны будут сгоряча...
И он вину свою оставил втайне.

Но время шло. Узнали все вокруг,
Что он неправду говорил когда-то,
И больше не протягивали рук
При встрече с ним знакомые ребята.

Они смотрели холодно в глаза.
Тогда ему впервые страшно стало.
О, как бы он теперь им все сказал,
Не скрыл бы тайны даже самой малой!

Но время для раскаянья прошло.
А может, нет? Как примется признание?
Бывает покаянье тяжело,
Но тяжелей друзей негодованье.

1956 г.

ЛЕТО

В горячих полднях бронзовеют сосны,
Темнеют липы и роняют мед,
И лишь к березкам в далях сенокосных
Загар опять никак не пристаёт.

1956 г.

У СТОГА

Ходят, шутят возле стога
Девки загорелые:
— Ой, не стог — старик убогий,
Мы бы лучше сделали...
Парни, крякая, с размаху
Копнами бросаются.
— Погодите охать-ахать,
Чертовы красавицы!
Вилы к небу: вот как мы —
Есть копна — и нет копны!
Девки, платья завивая,
Вновь приходят с ношею.
На копну копна другая
Возле стога брошена.
И она летит с размаху...
Ну, не парни — лешие!
Лишь в плечах трещат рубахи,
К телу прикипевшие.
Вилы в землю: вот как мы —
Есть копна — и нет копны!
Девки им: — Да вы не очень...
Это все до случая...
И опять бегут, хохочут,
Мол, парней проучим мы.
На одну копну — вторая,
На вторую — третья...
Еле тащат, изнывая,
Хоть кричи, чтоб встретили.
А пришли — и смех опять:
Вот уж этой не поднять.
Ну, а парни: — Мы за вилы
Только беспокоимся...
К сену разом подступили
И в него — до пояса.

И копна с земли со звоном
Медленно срывается,
Тучей шумной и зеленой
В небо поднимается...
Пот смахнули: вот как мы —
Есть копна — и нет копны!
Тут уж девкам не до смеха,
Смотрят с удивлением.
И летят сенинки сверху
Прямо на колени им.
Парни рады. Встали рядом,
Гордые, беспечные...
Тут сказать чего-то б надо,
А сказать и нечего.
Только чей-то слышен вздох:
— Вот уж вышел стог — как стог!

1957 г.

Л. Буркову

Сойдешь на тихом полустанке,
Где ты ни разу не бывал,
Где лишь минутные стоянки
Да только будка — весь вокзал.

Сойдешь, достанешь папироску
И, от метели заслоня,
На миг в своих ладонях жестких
Укроешь бабочку огня.

Дымком затянешься глубоко,
Проводнику посмотришь вслед,
И станет как-то одиноко:
Здесь никого знакомых нет.

Но, нахлобучив шапку туже,
Пойдешь туда, где должен быть,
И станешь по пути от стужи
В дома погреться заходить.

И если сам ты откровенный,
Немолчаливый и простой,
Хозяин дома непременно
Поговорит, как друг, с тобой.

И самовар бронзовощекий
Хозяйка вынесет потом,
И чай с густым брусничным соком
Дымиться станет над столом.

И будет часто так. Когда же
Пройдет твоей поездки срок,
То кто-то «до свиданья» скажет,
А кто-то выйдет за порог,

Пожмет, прощаясь, руку жарко:
Мол, приезжай сюда опять.
И расставаться будет жалко,
И будет грустно уезжать.

1957 г.

Как будто бы труба кирпичной кладки
Вверху с зеленым реденьким дымком,
Стоит сосна среди поляны гладкой
И с высоты глядит на пни кругом.

На месте их давно ль звенели сосны,
Как эта, поднебесны и стройны?!
Они лежат у рек в пыли морозной
И ждут весенней пенистой волны.

Грустит сосна. Но грусть теплом согрета:
Побеги свежих сосенок-внучат
У старых пней на всей поляне этой,
Как ежики веселые, торчат.

Щедра земля у нас в краю любимом.
Пройдут года — и снова здесь подряд
Густым, зеленым и смолистым дымом
Отменной кладки трубы задымят.

1957 г.

РУССКАЯ ПЕЧЬ

Она стоит на середине
Иль у дверей избы любой,
Как величавая твердыня,
И служит комнатам стеной.
С рассвета людям угождая,
Печет и варит дотемна.
А сколько дум людских рождает,
Так знает только лишь она!
И в ней, широкой, доброй, ладной,
Натура русская видна:
В работе выдюжит, как надо,
И в горе выстоит она.
Мы помним, как снаряды выли,
Крошились стены от свинца
И как среди огня и пыли
Держались печи до конца.
И на виду у пол-России
Изранены, опалены,
Они лишь мщенья просили
У всколыхнувшейся страны.
Потом, как повелось извечно,
Когда затих военный гром,
Простой и жаркой русской печью
Мы вновь венчали каждый дом.
...Стоит, и ей износу нету,
Хотя в работе целый век.
И вот ее за все за это
Так любит русский человек.

1958 г.

СОЛДАТ

В высоком звании солдата
Прошел он до конца войны.
Лицо от пороха щербато,
И на руках рубцы видны.

Теперь он стар. В запас не годен.
И оттого, взгрустнув порой,
Он ищет карточку в комодке,
Ту, на которой молодой.

А там, завернуты в бумагу,
Полузабытые лежат
За Бухарест, Берлин и Прагу
Медали, что принес солдат.

И вновь в огне душа солдата.
Стоит, впервые удивлен,
Что пол-Европы смог когда-то
Пройти не кто-нибудь, а он!

1958 г.

64867 1

ВОЛОГОДСКАЯ 17
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Его шутливо, добродушно
Прозвали с малых лет Горой.
А был Гора совсем не дюжий,
И уж, конечно, не герой.
Но так привыкли звать Горою
Его в деревне стар и мал,
Что имя доброе порою
Иной не сразу вспоминал.
И он привык к такому зову,
И откликался, не браня,
Когда его, немолодого,
Звала вот так и ребятня.
И то ль от скромности излишней,
А то ль от робости какой
Всех незаметнее и тише
Он был в бригаде полевой.
И если в чем-то был виновен
Иль бригадир, иль кто иной,
Поспорив, все сходились снова,
Мол, тут Гора всему виной.
А он, к таким привыкший шуткам,
С улыбкой доставал кисет.
Трещала жарко самокрутка
На эту реплику в ответ.
И вот однажды в полдень жаркий,
В пятиминутный перерыв,
Гора газетку для сигарки
Достал, карманы перерыв.
Достал и охнул над газетой,
Качая лысой головой.
Народ заметил сразу это:
— Гора, послушай, что с тобой?
— Да тут вот пишут о Берлине...
Меня там ранило тогда.

Добро отстраивают ныне,
А был — так посмотреть беда...
И потянулось к той газетке
Нетерпеливых рук кольцо,
И люди с выраженьем редким
Взглянули в светлое лицо.
И праздник вспомнили весенний:
При орденах, немножко пьян,
Ходил Гора среди веселья...
И, вспомнив, молча рядом сели:
— Давай закурим-ка, Иван!

1958 г.

Уже теперь мы сами —
Подумай, друг, сочти —
С погибшими отцами
Ровесники почти.
И снимки фронтовые
Их молодость хранят.
Какие молодые
Они на нас глядят!
Глядят с альбомов старых,
С простенков избяных,
С полотен, с пьедесталов
Да книжек фронтовых.
По всей стране огромной,
Который год подряд,
Внимательно и скромно
Они на нас глядят.
И как достойно надо
Нам жить, любить, гореть,
Чтоб самым чистым взглядом
В глаза им посмотреть.

1958 г.

Красной копной на пригорке
В сумерках вырос костер.
Дымом то сладким, то горьким
Тянет в заречный простор.

Это бригадная кухня.
Пахнут смолою столы.
Ропщут над пламенем глухо,
Брус прогибая, котлы.

Девушка длинною ложкой
Черпает ловко навар
И не спеша, понемножку
Пробует, дует на пар.

В отблесках пламени рыжей
Девушка кажется вся,
Но приглядеться поближе —
Рыжая только коса.

...Лишь упадет, увядая
В клевере дальнем, закат,
— Дай-ко поесть, золотая! —
Ей мужики говорят.

1958 г.

Его осанка, подбородок, взгляд
Исполнены надменности усталой.
И тем, которым был когда-то рад,
Теперь кивать при встречах перестал он.

«Он вышел в люди» — говорят о нем.
Но к людям он пешком не выйдет ныне,
А изредка в величии своем
На персональной явится машине.

«Он вышел в люди», — говорят о нем,
Но люди ждут его в приемной днями,
Скандалят иногда с секретарем
И кабинет распахивают сами.

«Он вышел в люди», — говорят о нем...
А так ли это, если мы рассудим?
Не вышел он ни сердцем, ни умом,
Как говорится, чтобы выйти в люди!

1959 г.

Неяркое позднее лето,
Спокойных небес глубина.
И осень — за просекой где-то,
И где-то за речкой — весна.
Но эти приметы не броски,
Соседствуют рядом они.
Порой зеленеют березки
Точь-в-точь, как в весенние дни.
Но в это лишь стоит поверить,
Как вдруг из-за просеки той
Нежданно прохладой повеет,
Запахнет брусникой густой.
Листвой опалит золотою
Дома и поля на лету...
И сердце поверить готово
В иную уже красоту.
Сию я с тобой до рассвета,
Хмелею опять без вина...
Неяркое позднее лето,
И глаз, и небес глубина.

1959 г.

ПЛЯСКА

И откуда взялась такая!
Только вышла она на круг —
И гармошка ахнула вдруг,
И застыла в руках, немая.
Но только — на мгновение.
И, волю дав ладам,
Восторг и удивление
Ей бросила к ногам.
До чего ж стройна,
До чего ж бела,
До чего ж красива!
Ветер в косы заплела
И летит-дробит она,
Загляделось полсела —
Диво!
«Не спую, как соловей,
Спую, как соловьиночка.
У высоких тополей
Послушай, ягодиночка!»
Запоет — так не случайно:
Каждой песне адрес даст.
В каждой песне — сердца тайны.
Разгадайте, кто горазд!
Гармонист, бывалый парень,
Уж на что сердце знаток,
Только шурился, вздыхая,
Разгадать никак не мог.
Для кого поются песни,
Для кого румянец щек?
Может, ей одной известно.
Да известно ли еще?!

1959 г.

СИДИТ СТАРИК НА МЕЛЬНИЦЕ

Сидит старик на мельнице,
Бывальщины плетет.
Не веришь, да поверится,
Присядешь у ворот.
И сам он — как бывальщина,
С дремучей бородой,
Которую отращивал
С последней мировой.
Вот снова быль у старого,
Как зайцев загонял
Зимой, бывало, стаями
Во двор, на сеновал.
И, к слову, быль военная,
Как гнался за вражьем
Под Прагою и Веною
На танко на своем...
И быль за былью вяжется,
И былям нет конца,
Что прожито — то скажется,
Заденет за сердца.
Ведь было в жизни всякое:
И радость, и беда.
От горя редко плакали,
От радости — всегда.
Полсвета исходили мы
Не ради красных слов.
И веет, веет былями
От прожитых годов.
...Сидит старик на мельнице,
Бывальщины плетет.
Не веришь, да поверится.
Присядешь у ворот.

1959 г.

ДИПЛОМАТ

По воле страны за границей
Он плавал по синим морям
С визитами к шахам и принцам,
И даже порой к королям.
Высокая служба и почестъ —
Россию представить собой.
Он выше был всяких высочеств
С мандатом Державы такой!
Он ездил по белому свету,
Куда ни послал бы народ.
Но вот дипломату на лето
Правительство отпуск дает.
Уже Подмосковье и встречи,
А после деревня, где мать,
Куда добираться не легче,
Чем в дальней стране побывать.
Усталый от дела большого,
От шумных дорог и путей,
Деревнею молодо шел он,
Приветствуя старых друзей.
Садись под липы, курили
И, выпив за встречу вина,
О хлебе, политике, мире
Вели разговор допоздна.
И слушая их, бородатых,
Он так отмечал про себя:
А все ж мужики — дипломаты,
Не хуже, пожалуй, чем я.
Мы знаем — тебе, мол, не просто:
У них на уме барыши.
Но ты на язык — тоже острый,
Не лыком, как сказано, шит.

Когда ж не хотят любовно
Беседовать с глазу на глаз,
Ты кое о чем им напомни
И прямо ссылайся на нас!

1959 г.

ВЫТЕГОРЫ

Проезжали вы те горы,
Где клубятся сосняки,
Вас встречали вытегоры,
Молодые лесники?
Да, в душе не отзвучали
Те слова, что любят тут:
«Разогреешь душу чаем —
Веселей дела пойдут».
Угощали всюду с жаром
Лесорубы земляка
За столом — из самовара,
У костра — из котелка.
...Опрокидывались сосны,
Рассекая облака,
От натуги выли тросы,
Гнулся борт грузовика.
Полыхали жаром лица,
Шла работа — как гульба.
И снежинки на ресницах,
И хвоинки на губах...
Все — до дальней тропки лосьей —
Все вам по сердцу пришлось
В золотистых избах сосен,
В белых горницах берез.

1959 г.

И младший сын уже оставил дом.
Его на пристань провожать пришла
И только тут заплакала при нем —
В последний час сдержаться не могла.
Тебе никак не верилось сперва,
Что сын-то, даже младший, — уж солдат.
Острижена, как в детстве, голова...
Ах, годы, годы, как они летят!
Давно ль, скажи, изба была тесна,
Когда семья собиралась в поздний час?
А с пристани теперь зашла одна —
Огромной показалась в первый раз.
Ушли сыны на разные дела.
По-матерински ты могла понять,
Что срок пришел, и это позвала
Их от тебя уже другая мать.
Она сынам оружие дает,
Погоны пришивает, ставит в строй.
Она выводит сыновей в полет,
Их осеняя красною звездой.
И как по-матерински ей не знать,
Как ты грустишь, коль нет от них письма?
...В пеленках были — не давали спать,
А подросли — так не уснешь сама.

1959 г.

Сергею Викулову

Мы полюбили в людных залах
Средь наступившей тишины
Сперва смотреть киножурналы
О людях, о делах страны.
И удивительное дело,
Что эти новости подчас
Нас больше за сердце заденут
И большему научат нас.
Кого же упрекать за это,
Что мы порой находим
Прекрасней сказок многоцветных,
Крупноэкранных и иных?
...Сидим с тобою в чутком зале —
Ты — шляпу, я кепчонку мну —
И смотрим влажными глазами
В мерцающую тишину.
А там спокойно, безбоязно
Над стрежнем, где ревет вода,
Висят, качаясь, верхолазы
И тянут, тянут провода.
Но вот уже через минуту
Иное трогает сердца:
В степи сугробной, неуютной
Дрожат от ветра деревца.
И первый след машинный рядом,
И люди снегом руки трут,
И кажется, веселым взглядом
И нас туда, к себе, зовут.
У них негромкие фамилии,
Они немного смущены,
Что вот, под стать артистам в фильме,
Самих себя сыграть должны.
Но как сыграть, коль жили прямо,
Лишь безыскусственность любя,

Не для хвалы, не для экрана
И малой частью для себя.
Они снимались все когда-то,
Но лишь на карточках простых
Для вузов и военкоматов,
И так, на память — для родных.
А тут — кино. Как не стесняться?
Но раз должны — так уж должны,
И вот они идут сниматься
Теперь на память для страны.
Они — немало их в России —
И на заводах, и в полях
Неподражаемо красивы
В своих неписанных ролях.

1960 г.

ЕЛЬ

Ель качнулась медленно и грозно
От одной звезды к другой
И, вершинку опалив о звезды,
Накренилась темною пургой
Тяжело, космато, как в раздумье,
Не спугнув на прутике клеста.
А потом пошла снижаться шумно,
Каждой веткою свистать,
Каждой веткой негодуя,
Каждой веткой на лету
В небе вычертив кривую
И последнюю черту.
Окончательно теряя
Всю заносчивость свою,
Очертания стирая,
Превратясь в одну струю,
Все быстрее,
Все ниже,
Ниже,
Понимая,
Что не выжить...
Вот уже подлесок,
Мох,
Кочки
И —
Тяжелый вздох!

1960 г.

Как услышу я знакомый говорок:
 «Наша Вологда — хороший городок!» —
 Словно ветерком обдует сердце,
 Теплым, чистым, хвойным ветерком,
 И от грусти никуда не деться:
 Жалко расставаться с земляком.
 Как да что там? — на ходу вопросы,
 А перед глазами — все одно:
 Улочка, снега, рассвет морозный
 И твое кудрявое окно.
 Будто бы деревья, над домами
 Стынет дым, белес и недвижим.
 А деревья вдоль посадок сами
 Цепенеют, словно дым.
 Ты проходишь в этот час под ними,
 Задеваешь ветки невзначай,
 И пушится, как бывало, иней
 Горностаем на плечах....
 Почему-то вижу только это,
 Слушая рассказы земляка
 О кварталах, выросших за лето,
 О домах, глядящих свысока.
 Видно, так порой бывает с нами:
 Спрашиваем мы про города,
 Слушаем, дивясь, а вспоминаем
 В них кого-то близкого всегда.
 Так и я — вот задаю вопросы,
 Ну, а сам — в далеком далеке...
 Вологда моя светловолосая
 С искоркой-снежинкой на щеке!

1960 г.

ЖЕНИТСЯ НАЧАЛЬНИК ЛЕСОПУНКТА

Жил в лесу и думал часто,
Что, наверно, ходит счастье
На каблучках на гвоздиках,
Небольшого ростика,
С челкой модной, маленькой
И в глазах с лукавинкой.
И оно не здесь. А, безусловно,
За тремя морями, вдалеке:
За морем березовым,
За морем сосновым,
За морем еловым, в городке.
Люди звали в гости хлебосольно,
Только он чуждался до поры.
Полыхали свадьбы на поселке,
Как веселья шумного костры.
Говорили люди уважительно,
Намекали люди про невест:
Одному да в нашем общежитии
Неужели жить не надоест?
«Личная свобода — это благо, —
Он бросался шутками не раз, —
Пожениться — молодость оплакать,
А таких хватает и без нас...»
Пропадал в лесах, а поздно вечером
Пасмурно вышагивал к диспетчеру.
Сам звонил, просил порожняка.
И стояла рядом — делать нечего —
Машенька, диспетчер, не привечена,
И смотрела нежно и доверчиво
Сбоку на него, широкоплечего,
На него, усталого слегка.
Вскоре вдалеке, на нижнем складе,
На дежурствах стали замечать,

Что в лесу с диспетчером неладно:
Засыпает, видно, по ночам.
То молчит, как будто потерялась,
То ответит невпопад она.
Спрашивают: «С кем там целовалась?»
В трубке слышно: «Что вы, я одна...»
...Новость, словно почечка, проклюнется,
И ее — уже глядишь — по улицам
В клювиках синицы понесут.
«Женится начальник лесопункта!» —
Лесопункт заговорил вовсю.
Не лосята стучались рогами —
То столы сдвигали впопыхах.
Не цветы носили ворохами —
Скатерти стелили на столах.
Подымали гости
Хитроумно тосты,
Золотились на стаканах ободки.
Все казалось горьким,
Все — до хлебной корки,
Все горчило, объясненьям вопреки.
Заступались свахи: «Ну чего еще,
Сколько ж можно, пожалейте их...»
Но вставала Маша, как черемушка,
И, как яшень, вырастал жених.
И глядели старики придирчиво:
«Девки, словно ягоды, растут.
Вот у нас пошли какие нынче-то —
Власть и на начальников найдут».

1960 г.

ТЕТЕРЕВ

Он только это запомнил:
Споткнулся о что-то с разбега,
Не зная, что это ладони,
Ладони доброго человека.
И только тогда поверил,
Что с ним случилось неладно,
Когда озябшие перья
Кто-то тепло разгладил.
Он так и замер от страха,
И сунулся в кипень снега,
Не зная, что это рубаха,
Рубаха доброго человека.
Звенели по насту лыжи,
Визжали на поворотах,
И он над собою слышал:
Ругал человек кого-то.
И вот, озаренный светом,
Он ринулся в тень неловко,
Не зная, что печка это,
А не старая елка.
Ему человек в охапке
Наваливал веток к ночи,
Где много влажных и сладких,
Пахнущих лесом почек.
А вскоре ранью белесой,
Когда на озера окон
Заря потекла из леса
Подснежным клюквенным соком,
Он крылья раскинул натужно,
Почуяв снова здоровье,
И красными полукружьями
Затрепетали надбровья,
И шея зобом набухла,

И рябь прокатилась шеей,
И что-то забулькало глухо,
Потом все гуще, слышнее —
И вот поплыла из окошка,
Пугая старух суеверных,
Тоскливая песня Терешки
Над всею сонной деревней.
Он вспомнил рассвет и ельник,
И отклик, ему понятный,
И то, как черкал соперник
Крыльями снег примятый.
И все, что было когда-то,
Вновь волновало душу...
А человек на кровати
Сидел одиноко и слушал.

1961 г.

В АВТОБУСЕ ЕХАЛА ЖЕНЩИНА

В автобусе ехала женщина,
Средь прочих — одна такая.
Лет тридцать, наверно,
Не меньше ей,
А, может, меньше, не знаю.
Мужчины уже со ступеньки,
Едва закрывались двери,
Совали кондуктору деньги,
А на нее глядели.
Им говорил кондуктор:
«Вперед проходите, граждане».
Они стояли, как будто
Это касалось не каждого.
Она газету читала,
Сидела вполоборота,
Как будто и дела мало,
Что ею любитесь кто-то.
Но лишь ресницы густые
Она подняла устало —
Мужчины глаза опустили:
Знобко мужчинам стало.
С каким-то смутным испугом,
Себя, наверно, жалея,
Одернула платье туго
На смуглых, в капроне, коленях.
И встала, поправив волосы
Из солнечных золотинок,
И все расступились в автобусе,
Насколько места хватило.
Пошла, и долгие взгляды
Она за собой уводила,
Быть может, сама не рада,
Что так сердца бередила...

Спасибо тебе, спасибо,
Женщина незнакомая,
Что ты о наших красивых
Собой хорошо напомнила.

1961 г.

ЗИМНЕЕ УТРО

Поленьями ольховыми
Похрустывает печь.
Как благодатно с холода
Кофтенку сбросить с плеч!

И вот в сиянье жарком
Она полунага.
Шипя, летят огарки
Стрекозами к ногам .

Их веником сметает,
Чтоб ноги не обжечь,
И шаньги на сметане
Начинает печь.

На окнах иней розовый:
Видать, заря встает.
Пропели рядом розвальни
И встали у ворот.

И вот уж двери настезь.
И на пороге — он.
Смеется: «Здравствуй, Настя!»
И делает поклон.

А от порога катится
По половицам пар
К босым ногам красавицы,
Как белый-белый шар.

И вспыхивает девушка,
Не смея поглядеть.

Кофтенку сразу— где уж там! —
Успеешь ли надеть.

— Да что ж ты, Настя, прячешься?
Ведь я к тебе — навек!
И на лицо горячее
Летит с ушанки снег.

1961 г.

ПОСВЯЩЕНИЕ В РОДНЮ

Рванулась на крыльцо: приехал сын!
И сразу поняла, что не один,
И отшатнулась, посветлев, назад.
Я тут же у крыльца знакомлю их.
И вот они, две женщины, стоят,
Пока еще две женщины чужих.
О, это посвящение в родню,
Смятенье чувств и зоркость мудрых глаз!
Волнуюсь и молчание храню:
Мои слова им не нужны сейчас.
Они сейчас сердцами все поймут,
Я прав иль нет, что говорил о них.
Целуются, друг другу руки жмут,
Но все еще две женщины чужих.
Шумит по-праздничному самовар,
Все в золотинках солнечных насквозь:
Глаза, морщинки и над чашкой пар,
Игра ресниц и прядь густых волос.
И, как у нас ведется в деревнях,
Уже соседки поглазеть идут.
— Ну, проходите! Что вы там, в дверях?
— Да ладно, ладно, постоим и тут.
По делу мы, вон к матери твоей,
За квасом мы. У ней такой уж квас!..
Налили квас, но все же от дверей
Нейдут они, разглядывают нас.
И говорят, мол, это кто, жена?
Уж до чего ж пригожа да бела,
И рослая, гляди-ко. Знать, она,
Голубушка, не в городе росла.
Уж больно городские-то бедны:
Ни спереди, ни сзади — ничего...
И вижу я, как чашка у жены
Дрожит в руках и плещется чаек.

А я смеюсь: не угадали, нет, —
Из города, из Вологды самой!
И ахают притворщицы в ответ,
И с новостью торопятся домой.
...Сидим втроем, толкуем допоздна.
Веселый самовар давно затих.
— Спасибо, мама, — говорит жена
И вижу тут, что женщин нет чужих.

1961 г.

ДОЖДЬ

Дождь, дождь, дождь...
На колени упала рожь,
А была до чего ж сильна!
Под струю, как будто под нож,
Попадают головки льна.
Ни просвета который день.
И, как стадо рыжих коров,
Что отбилось от деревень,
Спят комбайны в поле сыром.
Дождь, дождь, дождь...
Председатель, взглядом тяжел,
Уронил кулаки на стол.
Впору водку хлестать со зла.
Рожь! Какая она была!
Он, от радости сам не свой,
Потонув в ржаной глубине,
Сколько раз отдыхал порой
На сухом васильковом дне,
И катились над головой
Шумно, мягко волна к волне.
А потом уходил туда,
Где цвели и плескались льны,
Сине-синие, как вода,
Как, верней, живая вода
Нашей северной стороны.
Лишь испить бы чаши полей,
Эти синие чаши, до дна,
Стали б руки еще сильнее
И повыпрямилась спина.
Дождь, дождь, дождь...
Одному сидеть невтерпеж.
Ну-ка, «газик», не выдавай,
Ну-ка, «газик», газу давай!

Ноет сердце—в поля, сквозь дождь!
И машина летит рыча.
Речка, лужа — не разберешь,
«Газик», старый друг, выручай!
У бурлящих, вязких борозд
Он бросал и курил опять,
Словно горечью папирос
Горечь сердца хотел унять.
«Ничего, — говорил он ржи,
Ну, а может быть, сам себе, —
Ничего, только ты держись,
Не такое было в судьбе!
Ничего, — говорил он льнам,
Ну, а может, себе опять, —
Ничего, приходилось нам
После всяких дождей вставать!»
Ну-ка, «газик», не выдавай,
Ну-ка, «газик», газу давай!
Темнота и морось кругом...
И машина шла напролом,
Светом фар в полях мельтеша,
Словно там металась огнем
Человеческая душа.

1961 г.

У матери старой три сына —
Всех на ноги подняла,
И как огромна Россия,
Впервые теперь поняла.
Меж матерью и меж ними
Впервые с недавних времен
Стал самым необходимым
Чужой человек — почтальон.
С утра побредет из деревни
На почту один по снегам,
А мать готова поверить,
Что он уходит к сынам,
Что он дойдет непременно
(День целый — да это год!)
И в сумрачную деревню
От них письмо принесет.
...Окно застилает дымом,
С чего бы — ей не понять.
Идет почтальон, но мимо,
Идет, но мимо опять.
И надо себя пересилить,
И браться вновь за дела...
У матери старой три сына —
Всех на ноги подняла.

1962 г.

Картошку девушка копает
Прозрачным вечером одна.
На ней кофтенка голубая —
Впервые, кажется, тесна.
И девушка не понимает,
А отчего она тесна.
Копать картошку неохота,
Но с поля все же не идет.
Вдали березы, словно соты,
Роняют в воду рыжий мед,
Роняют в дождевую воду,
Но и в воде не тает мед.
Она стоит, облокотившись
На вересовый черенок.
И каждый звук и запах слышен,
И сладкий тянется дымок.
Откуда он? От ребятишек,
От их костра плывет дымок.
И песни хочется негромкой,
Которой и названья нет,
И чтобы кто-то шел сторонкой,
Ее окликнул бы в ответ,
Ее окликнул бы негромко,
Но никого куда нет...

1962 г.

Разлука, что зима у нас на севере:
И день и ночь метелями знобит,
И потому с души моей отсеяна
Вся шелуха упреков и обид.
Бывает, под метелью трудно выстоять,
Но крикнуть, чтоб услышали, трудней.
Вот так и я — кричу тебе, единственной,
Сквозь маяту моих метельных дней.
Кричу: люблю! И тем живу и верую,
Что ты услышишь и поймешь меня.
...Разлука, что зима у нас на севере:
Все жжет, лишь оставляет зеленыя.

1962 г.

Ты неожиданно и нежданно
Решила, как всегда:
«Говорят, красивый Кадников —
Поехали туда!
Песни девичьи расплескивал
Автобус поутру
За полями, перелесками
На молодом ветру.
Все привычное, усталое,
Мешающее нам,
За автобусом оставлено
По разным сторонам!
Я в глаза твои заглядывал,
Своих не отводя.
И когда тебя разгадывал,
Разгадывал себя...
По дороге по укатанной
Легко из-под горы
Мы влетели в город Кадников,
В зеленые шатры.
Ты смеялась очень молодо,
Споткнувшись второпях.
И шатались мы по городу,
Где яблоки в садах.
Ах, в Кадникове яблоки!
Попробуешь раз —
Как будто озябнешь,
Прищуришь глаз.
В холодных росинках
Яблок любой,
С горчинкой, с кислинкой,
Как наша любовь.
Мы малиной сластили
Яблоки там.

Малина ливнем красным
Стучала по кустам.
И мы в зеленой заводи,
Где славно отдыхать,
Бродили, взявшись за руки,
Счастливые опять.
И мы решили загодя:
Чуть что — скорей туда,
Где в яблоках и ягодах
Такие города!

1962 г.

ПРЕДОК

Кто он был? В каком таком обличье?
Он стоял на фоне синевы,
И сквозило что-то необычное
В повороте смелой головы.
Что-то в нем былинное сквозило:
Вот поднял он руку, застя свет —
А в руке буграми ходит сила,
Все он может, стоит лишь посметь.
Вот рукою, чтобы не торчали,
Он поправил волосы слегка,
И уже, задетые нечаянно,
В небе закачались облака.
Он — один. И никого здесь кроме.
Сам себе пока — слуга и князь.
А вокруг леса. Синют кроны,
Как курганы, в небе громоздятся.
Он развалит синие курганы
И достанет клады, а потом
Эти клады чисто остругает
И отешет ярым топором.
И тогда он явит миру золото,
Хохоча от щедрости хмельной,
Рубленное, пиленное, колотое,
Пахнущее соком и смолой...
И пошел он, жилистый и крепкий,
Ельниками темными не зря —
Брызгали испуганные щепки,
Шлепались в озера и моря.
И где стыли сумерки сырые,
Как подвалы вековые, там
Синь и солнце хлынули впервые
По его размашистым следам.

1962 г.

Как выстрел, грозное известье
 Скатилось в утреннюю тишь:
 «Вступают русские в Париж!»
 И сразу дрогнули предместья.
 Сшибались в панике повозки,
 Храпели кони на мостах...
 О боже! За пожар московский
 Они Парижу отомстят.
 ...Полки торжественно входили,
 И с высоты лилась, хмельна,
 На гренадерские мундиры
 Апрельская голубизна.
 — Да здесь, ребята, красно лето,
 Куда нас, братцы, занесло! —
 Шинели бросив на лафеты,
 Солдаты щурились тепло.
 И в том строю, причастный к славе,
 Перехватив ремнями стан,
 Летел в седле веселый, бравый,
 Российской службы капитан.
 Он счастлив. Он сейчас не помнит,
 Что в Петербурге знаменит,
 Что в тишине лицейских комнат
 Его певучий стих звенит.
 Он — просто русский! Он — в Париже!
 Он из Москвы пришел сюда,
 Чтоб нашу речь Париж услышал
 И чтоб запомнил навсегда.
 Он видел много, понял много
 И ничего не позабыл:
 Ни бивуаки, ни тревоги,
 Ни одиночество могил.
 И он гордился, что в Париже,
 Наветам гнусным вопреки,

Солдаты наши сердцем выше,
Чем безрассудные враги.
Здесь перевязывая раны,
Врачуя давнюю тоску,
Солдаты гордо повторяли:
«Мы помним матушку Москву!»
В толпе мундиров, платьев, фраков
Блистал у парижанок взгляд
От остроумия казаков
И от достоинства солдат.
И он смотрел, как удивленно,
Они стояли, закутив,
Перед Трояновой колонной,
Перед решеткой Тюльери!
Он понимал, что здесь впервые
За много лет трудов и битв
Теперь на мир глядит Россия
И на Россию мир глядит.

1962 г.

Хоть солнце и зашло уже,
И хоть повял закат,
Как маленькие солнышки,
Березы все горят.
И в те часы вечерние,
Когда войдешь в село,
От этого свечения
И в сумерки светло.
Давно крыльцо отворено,
Но я стою, смотрю
На эту белоствольную
И тихую зарю.
И ничего не надо мне,
Лишь только чтоб она
Дружной росла посадками,
Родная сторона,
Скорее в люди вышла бы,
Да встала в полный рост,
Да свет несла над крышами
Не только от берез.

1962 г.

Когда он сказал: «А ну, потесней!» —
Пошли садиться по очереди
По правую руку — пять сыновей,
По левую руку — четыре дочери.
Такие семьи не часты теперь,
И я удивленно и радостно
Сидел, отогревшись в шумном тепле,
Смотрел, как все здорово ладилось.
Буханку, как доброе чудо держа,
Он резал и щедро, и медленно
И, крупные ломти снимая с ножа,
Клал горкой на стол обеденный.
Хозяйка открыла кастрюлю с борщом,
И жаром дохнуло наваристым.
Она добавляла еще и еще
И лишь черпаком говорила: пожалуйста!
Тарелки сверкали, и в каждой из них
Качалось по вкусному солнышку,
И перец, и соль из посуды резных
В него насыпали по зернышку.
На пухлых, смешливых и влажных губах
Дрожало оно, золотистое,
И каплей случайной на скатерть упав,
Дробилось веселыми искрами.
А хлеб, черный хлеб, аппетитно хрустя,
Во здравие пекаря местного
Спокойную радость таил в ломтях
И незаметно главенствовал...
И не было здесь, за дружным столом,
Ни роскоши и ни бедности,
Но в тесном кругу, но в соседстве таком
Всем отлично обедалось.
И я, побродивший свое по земле,
Опять постигал заново,

Насколько же вкусен черный хлеб,
На жарком поду зарумяненный!
Насколько ж горчица свежа и крепка
И перец горяч до горечи,
И суп из рабочего черпака
Насколько же добр и солнечен!

1963 г.

СМЕРТЬ КОММУНИСТА

Памяти И. М. Людина

Мы-то знали, что стоит его седина:
Над вихрами его прокатилась
И гроза не одна, и беда не одна,
И времен трагедийных немилость.
Он об этом молчал — говорил о другом,
Чтобы снова душевно встряхнуться, —
О годах молодых и о времени том,
Где грохочут ветра революций.
Ни здоровья, ни сил — не берег ничего,
Хоть и грустным бывал, и усталым,
И сердитым нередко, но только его
Никогда мы не видели старым.
В легком свитере, в демисезонном пальто,
Сигаретный дымок завивая,
Он ходил и любил эту землю за то,
Что такая она — молодая!
И однажды, статью не закончив свою,
Зачеркнул торопливую фразу
И схватился за грудь, как хватались в бою,
И упал...

Сталь ломается сразу.

...Красный гроб от парткома несли на плечах,
Тяжело, каменяя, шагали.
Горьким ветром в оркестре металась печаль,
И знобило от этой печали.
Шли друзья по веселой и талой земле,
Где завещано жить и сражаться,
Где ветрам грохотать, и траве зеленеть,
И сердцам от любви разрываться!

1963 г.

С Ярославского вокзала
С Ленинградского вокзала,
В ночь уходят поезда...
Ты чего лицо туманишь,
Ты чего грустишь, товарищ?
Семь рублей — и мы на полке,
И опять туда, туда,
Где висит на каждой елке
Синим филином звезда.
У курносой, белолицей
Нашей местной проводницы
Чаю крепкого завара
Мы попросим, а потом,
Прислонясь к ветрам спиною,
На полтыщи верст длиною
Мы беседу развернем.
Нас в дорогах покачало,
Дружбы нашей там начало.
Отчего же зародилась —
Как сказать наверняка?
Может, жаркая частушка
Озорно и простодушно
Огоньком сердца задела —
И пошло от огонька.
...Разговаривают рельсы:
«Разгорелся, разгорелся»...
И уносятся, струясь.
А колеса подпевают:
«Жарче, жарче не бывает,
«Жарче, жарче не бывает,
Чем на Севере у нас»...
Утро медленно краснеет.

Здравствуй, батюшка наш Север!
Ты гостей, конечно, ждал...
Он шагает нам навстречу,
Развернув огромно плечи
От железного Урала
До гранитных финских скал.
Он в зеленой телогрейке,
Строгий, жилистый и крепкий,
Весь от инея седой,
Шапку низко нахлобучив
Из мехов из самых лучших
И с Полярною звездой!
Звездный свет нам в лица сеет
Милый Север, добрый Север...
Мы выходим в знобкий тамбур,
В свет застенчивой зари,
И курносой, белолицей
Нашей местной проводнице
Мы стаканы возвращаем
И за чай благодарим.

1963 г.

Ах, свадьбы шумные! Едва ли
Найдется что-то веселей...

Мы на чужих с тобой бывали,
Но не бывали на своей.

В ту пору, не придав значенья,
Без свадьбы начинали жизнь.

И к нам тогда на чай вечерний
Лишь очень близкие сошлись.

Ну, упрекнуть бы нас хотя бы
Иль намекнуть: мол, как же так?

Нельзя, соколики, без свадьбы,
Она, представьте, — не пустяк.

...Жизнь чередом пошла не сразу,
Но обижаться нам нельзя:

Своей любви мы знали праздник —
Пусть позавидуют друзья.

Однако тихою досадой
В душе уже который год

Несостоявшаяся свадьба
Все ощутимее живет.

Она как будто где-то рядом
С цветами, музыкой, вином.

И так она доступна взгляду,
Что кажется: вот-вот придем.

Нас заждалась она, такая,
Пускай нешумная — своя.

Уже наполнены стаканы,
И собрались уже друзья.

И это чувство все сильнее,
И мы с тобой чего-то ждем.

...Ты для меня еще роднее,
Еще дороже с каждым днем.

И для тебя я сделать рад бы
Все, что сумею и смогу.
И лишь в огнях и песнях свадьба —
На недоступном берегу.

1963 г.

* * *

Судьба не сладкая — вдовья,
На праздники не красна,
А понедельников вдоволь
Для матери припасла.
Мать сеяла хлеб и жала,
Не думала о себе:
Одна осталась большая,
Все маленькие в избе.
...Какие года пережили!
И шутит грустно она:
«Теперь все стали большими,
А маленькой — я одна...»

1963 г.

Ты что-то мне напомнила, рябина.
Лишь теплый ветер дунет — ты опять,
Живучести полна неистребимой,
Готова белым цветом полыхать...
Когда ж июль течет на ветки жаром
И хмель бушует, молод и курчав,
Твои пылают ягоды недаром,
Но зря пылают: чуточку горчат.
И лишь когда ударит иней поздний,
Ты станешь вновь единственно любя.
Тогда твои тоскующие гроздья
Чем холодней, тем слаще на губах.

1963 г.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

На острие речного склона
Сосна висела высоко,
Как будто колокол зеленый
С обронзовевшим языком.
И Петр велел гребцам причалить.
Без передыху взлез туда,
Где вровень с царскими плечами
Синела хвойная гряда
И земляничным ветром дуло...
Он сел, разувшись на траве,
И государственная дума
Затяжелела меж бровей.
Деревни ближние окликав,
Собрали мужиков зараз
У той сосны, где Петр Великий
Сидел и пил холодный квас.
Столпились мужики тревожно.
А царь встает и говорит:
«Скажите, можно ли до Ковжи
Отсель самим реку прорыть?»
И отвечали: «Отчего же?
Как скажешь, царь, тому и быть.
Все можем для Руси, все можем —
Что турок бить, что речку рыть...»
Доволен Петр таким ответом.
На берег бочка сгружена —
И мужиков зовут отведать
За сговор царского вина.
Ох, и забористо царево,
Хмельно бордовое вино.
Под стать вину царево слово —
Оно и крепко, и красно.

Петр говорил, что краем здешним
Судам в столицу должно плыть...
Быть нелегко Петром, конечно,
Но мужиком не легче быть.
Уехал Петр. А здесь, в топине,
В лесах, где испокон веков
И тропок нет, трещали спины,
Как на Неве, у мужиков.
Пески сыпучи. Камни гладки.
И тяжек черный бурелом.
И это все — лопаткой-маткой
Да еще — ботькой-топором!
Но шли, как на Руси обычно,
За мастерами мастера.
Их безымянное величье
Великим делало Петра.
О слове не радели предки,
Но лишь о них напоминал
Вплетенный в северные реки,
Как будто кружево, канал.
И даже вот преданье это
И то от них дошло до нас
О том, как Петр далеким летом
Пил под сосной холодный квас.

1964 г.

Тревожно, и сладко, и грустно
Звенят надо мною опять
Березы — зеленые гусли,
И сердце ничем не унять.

Дивлюсь сам собою: откуда
Во мне эта древняя грусть?
И солнцу, как рыжему чуду,
Задумчиво поклонюсь.

Мне хочется землю vorочать,
Парную и тяжкую, всласть
И в борозду позднею ночью
От усталости навзничь упасть.

И тянет у заводей диких
Костры распалить веселей,
На палках, как будто на пиках,
Поджаривать сизых язей.

Сидеть по-язычески строго
И, к сердцу приставив ладонь,
Глядеть на косматого бога —
На этот всеильный огонь.

И сам понимаю, что странно,
И я не такой уж чужак,
Но хлынут весной туманы,
И хочется именно так.

1964 г.

ЛИВЕНЬ

Дождь в клеточку,
И в полосочку,
И в косую линейку
Льет.

Лезут травы,
Играют веточки,
Пляшет озимь,
Смеется лен.

Сивый дед бредет по деревне,
Всеми признанный старожил.
Под таким дождем суеверно
Свою лысину обнажил.

И бегут девчонки, хохочут:
«Дед, ты тоже готовишь почву?»
Он вздыхает: «Почва не та —
Не растет давно ни черта...»

Убежали, весельем брызнув,
Ноги смуглые оголив,
Озорные от буйства жизни,
В этот шумный, дымный разлив.

Покачал головою дедко:
«Мать честная, какие девки!»
...Дождь укатывается огромной
И светлеющей полосой...
Вырастайте, хлеба, с оглоблю,
А картошка — расти с колесо!

1964 г.

Беру себе в попутчики
Лишь легкий батожок,
Чтоб он ручьи гремучие
Мне перейти помог.
Иду заросшей, длинной,
Но памятной тропой:
Когда-то по малину
Ходили мы с тобой.
Иду — и сердцу верится
Без всяческих затей,
Что вот за этим деревцем,
А может быть, за тем
Увижу на поляне,
Кустарник разведя,
От ягод полупьяную,
Всю в солнышке тебя.
Как будто ты на празднике,
И белый косичок,
На волосы повязанный,
Смахнула набочок.
Стоишь, такая близкая,
И смотришь на меня,
Глаза в зеленых искорках
Ладонью заслоня.
Все кружится от радости,
И я тебя зову.
Корзинка тихо валится
И сыплется в траву.
...Я взял не зря в попутчики
Лишь легкий батожок,
Чтоб лишнего при случае
Сболтнуть о нас не мог.

1964 г.

Мы —
 как дерево ныне,
Что незаметно вросло
В город шумной вершиной,
Комлем уперлось в село.
Низко ли, высоко ли
Вытянулось в зенит,
Если холодно комлю —
И вершину знобит.

1965 г.

ГАРМОНЬ

Василию Белову

Красно застолье
От жарких лиц.
Стулья стонут
От молодых.
А мой товарищ
Грустит опять:
«Где, не знаешь,
Гармонью взять?»
Гармонью? Сразу
От слов таких
Крикливый праздник
На миг затих.
А ну, хозяйка,
Поуважай:
Сходи узнай-ка
По этажам.
Ох, досталось,
Сбилась с ног.
И вот — как радость
И как упрек,
Плывет гармонья,
Как ночь, черна.
Чуть-чуть затронут —
Вздохнет она.
«А ну, товарищ, —
Все ожили, —
Сыграй. Но знаешь —
Хорошее...»
Коснулся ухом —
Прохладен лак.
Запела глухо,
Несмело так —
И вдруг как ахнет
Гармония,

Сверкнув мехами,
Как молния.
Заулыбались
Все перед ней:
Все оказались
Из деревень!
Вот это было
Свидание!
В глазах поплыло
Все давнее,
Все первое,
Все розовое,
Все вербное,
Все березовое,
Все скорбное,
Все наивное...
Эх, гармония,
Пой, милая!
С душ неверных
Сбивай-ка спесь:
У нас деревня
У всех — вот здесь!
В глазах рябило,
Как вновь в избе.
Кому-то было
Не по себе.
А кто-то сдвинул
Стулья вдруг
И, ветром взвитый,
Как ястреб, — в круг!
Эх, полы, полы,
Нас попомните.
До чего же малы
Нынче комнаты!
И так и сяк,
А потом эдак,
И еще вот так
Напоследок!
Огнем рождена
Наша нация.
А гармонь, она —
Агитация.
Но зови не зови —
Дело зряшное:

Затухает в крови
Все вчерашнее,
Все первое,
Все розовое,
Все вербное,
Все березовое.
А пляшется с жаром —
Так это опять
Худое со старым
Хотим истоптать!
...За окнами — город.
Дома в тени.
Значит, скоро
Взойдут огни.
И в комнате снова
В углу радио
Вспыхнет зеленой
Виноградиной.

1965 г.

В рябиновой нашей деревне
 Легенды в заулках лежат.
 Жил пахарь, по прозвищу Еня,
 Здесь лет полтораста назад.
 У старого Ени избушка
 Косилась в четыре угла.
 Ее называли вползушка —
 Настолько низка и мала.
 Ударят ли градины хлестко,
 Качнет ли поля недород —
 Бывало, ему на полоску
 Всех более лиха падет.
 Все шишки летели на Еню.
 Другой бы на месте его
 Свалился давно на колени,
 А Еня — стоял, ничего.
 Лишь с горести ковшик в полпуда
 Осушит, достанет кисет
 И крикнет: «А жить-то не худо,
 Добро, что родились на свет».
 ...Уж трижды из елок из новых
 Рубилась деревня с тех пор.
 А Енино это присловье
 Нет-нет и влетит в разговор.
 Мы знаем: живали сильнее,
 Покруче его мужики,
 А на тебе — помнится Еня,
 И не было вроде других.
 А все объясняется просто:
 Такие, как Еня, спроста
 Веселую искорку бросят —
 И светится искорка та.

И мы, не без легкой причуды,
Кидаем веселый ответ:
«А жить-то, ребята, не худо,
Добро, что родились на свет!»

1965 г.

ПРИЯТЕЛИ

Бывало, утром весело
Приятеля разбудят —
И к черту равновесие
Праздников и буден!
Все в жизни перевидели
И ко всему готовы,
Ценители, любители,
Что поострей — такого.
Они — мне все приятели.
И я — для всех приятель.
Они рубли не прятали,
И я рубли не прятал.
Лишь иногда внимательно
Глядел, тоской задетый:
А ладно ли, а надо ли,
А верно ли все это?
Все выслушано, признано,
Поведано друг другу,
Но начинали сызнава
Мы по второму кругу.
И молча знали загодя:
Нет денег — будут скоро:
Они — не рожь, не ягоды —
Растут в любую пору.
Ох, мы не деньги тратили,
Да, тратили не деньги.
Приятеля, приятели —
Пропавшие недельки!
В себя с тревогой вслушался
И в них всмотрелся остро,
И обмер: каждый в сущности —
Как обмелевший остров.
Вода, большая, пенная,
Ушла, и остров стынет

С корнями, камнями
В густозеленой тине.
Враз опахнули трезвостью
Оконные квадраты.
Себя толкнул я с резкостью,
Чтобы сказать: «Ребята!
Одно я вспомнил правило —
Из века в век так было:
Мужчин безделье старило,
А дело молодило...»
Луна плыла над городом —
Наш вечный провожатый.
Мы расставались коротко
И без рукопожатий.

1965 г.

ТРЕВОГА

Это было в деревне, которой нету,
Но в которую можно взглядеться,
Потому что деревня эта
Называется нашим детством.
Ветры теплые там разносили,
Чтобы людям радостно было,
Вечерами в сумерках синих
Дробный стук золотых молотилок.
И в кепчонки картошки ранней
Накопав, сухой, розоватой,
За деревней в легком тумане
Веселили костер ребята.
Это было счастьем, пожалуй,
Только кто понимал едва ли.
И картошины с пылу да жару,
Как мячи, на ладонях летали.
Был один среди нас всех старше,
Всех бойчей — Тихомиров Васька.
Говорили матери наши,
Что дружить с ним надо с опаской.
Без отца, без матери парень,
Без присмотра живет у тетки.
Вот и курит уже недаром,
Вот и шляется, рвет подметки.
Называли матери шалым,
Называли его баламутом.
Только Ваську зря обижали —
Это было ох как не мудро.
Васька нас удивлял смекалкой.
Доставал из штанины ножик —
И в ружье превращалась палка,
И в свистки — ивняк придорожный.
А за это ему ребята
Иногда из карманов отцовских,

Как подарок, несли воровато
По одной или две папироски.
Он закуривал, осмотревшись,
И сквозь зубы чиркал красиво.
Снисходительная небрежность
В каждом жесте его сквозила.
Он ходил все в одной рубашке
И в одном пиджаке потертом,
Но зато — всегда нараспашку,
Но зато — перед нами гордо!
А зимой, бывало, в метели
Нам из дому не отлучиться,
Если мы шарфы не надели
Или шубные рукавицы.
Ну, а Васька даже до школы,
А потом не спеша обратно
Брел за пять километров в холод,
Кулаки в рукава запрятав.
Рукавиц у него не бывало,
А пиджак был слишком коротким.
Ох, не сладко жилось у старой,
У какой-то троюродной тетки...
А потом... Не ждали такого —
Вдруг заряды немецкой стали
Где-то ухнули подо Львовом,
А как будто у нас упали.
Сразу выкрик — война! — осколком
По окошам и здесь шарахнул —
И качнулась деревня с пригорка,
Будто кто ударил с размаху.
И повестки с железным слогом
Полетели из сельсоветов.
Мужики по жаркой дороге
Уходили в морозное лето...
От беды увядали краски.
Бабы горестно голосили.
Постарела деревня. И Васька
Раньше времени стал Васильем.
Он мотался с плугом на пашне
И ворочал мешки на севе.
И девчонки, намного старше,
Перед ним, потупясь, краснели.
Он остался парнем последним —
Им под вечер и выйти не с кем.

Только он все чего-то медлил,
Все стеснялся... И вдруг — повестка.
Провожали вечером зимним —
Шли и плакали женщины рядом.
В первый раз — вот такое с ними:
Стали все ему матерями!
Запоздавшее чувство горько...
Торопясь, из домов приносили
Самосад, папиросы, махорку —
Мол, бери и кури, Василий.
Он по улице шел, как бывало,
Кулаки в рукава запрятав.
Рукавицы ему совали —
Сколько вдруг! — на меху, на вате.
Что бы сделать еще — не знали...
Мы, мальчишки, ватагой спешили.
Он сначала простился с нами,
А потом простился с большими.
Уходил он старинной дорогой
Навсегда — только мы росли бы:
Из деревни она — для многих,
А обратно — лишь для счастливых...
...Вот с приятелем мы в деревне.
Вспоминаем давнее время.
Вдруг заминка, и слышу с болью:
«Тихомиров? Васька? Не помню...»
Умирают солдаты дважды —
От штыка или пули вражьей
И спустя много лет, в грядущем,
От забывчивости живущих.
Только сердце не примирится
И не будет с этим согласно.
Мне которую ночь не спится...
Встань в стихах,
Тихомиров Вася!

1966 г.

Сквозь дрему, сквозь думы плывет теплоход.
Вдруг сеном иль хвоей на миг опахнет,
А сердце и долго, и сладко болит.
Налево ли глянем, направо ли — вид!
А Сухона ширится с плеса на плес
И катится к небу в сияньи берез.

Хорошие парни, мы едем так,
Как в жизни живем: от друзей — ни на шаг...
Уже холодит наши лица росой.
Вот первая пристань — поселок лесной.
Над пристанью — елка. На елке — луна,
Как желтый динамик, укреплена.

И сыплется сверху такой перепляс,
Что камушки скачут оттуда до нас.
Мы видим: товарищ у нас молодой
Стоит и тоскует над черной водой.
А с берега девушки лет двадцати
Нам машут руками и просят взойти.

Ах, чертов динамик на берегу,
Ах, четкий рисунок девичьих фигур!
И самый красивый товарищ из нас
В каюте берет чемодан, извинясь.
— Во мне, — говорит, — возник интерес,
Я, — говорит, — завербуюсь в лес...

Конечно, разлука с другом горька,
Но разве удержишь холостяка?
— Ну что ж, — отвечаем, — раз интерес,
Иди, — отвечаем, — осваивай лес...
А Сухона волны бросает внахлест
И катится дальше в мерцании звезд.

Мы едем и едем. Уже рассвело.
 Вот новая пристань — на взгорье село.
 Доярки спускаются — любо смотреть:
 У каждой по солнцу в веселом ведре.
 Садятся к бокам пудовиц вдоль реки —
 Колени, как ядра, смуглы и жарки.
 И видно под низом коров, вдалеке,
 И небо, и берег другой в сосняке.
 На фоне таком все сильнее и звончей
 Вскипает одиннадцать белых дождей.
 А мы фотокамерой щелк да щелк,
 А бабы смеются: — Знаете толк...
 Откуда такие явились-взялись?
 Мы тощих таких не видали в жись.
 Особо глядит одна, сторонясь, —
 Заметно краснеет старшой у нас.
 — Ослабли, как видим, в житье городском,
 Оставайтесь у нас — отпоим молоком...
 Ах, добрая гостьба и ласковый взгляд
 Все сделают с сердцем, чего захотят!
 Сидит наш старшой и вздыхает всерьез:
 — А может, и вправду, податься в совхоз?
 А бабы ему: — При уме-то таком
 Ты будешь, конечно, учетчиком...
 И вот он зовет нас в сторонку, за дверь.
 Мы видим: и здесь не минуем потерь.
 А Сухона в борт ударяет стальной
 И ухает, бухает белой волной.

Туман очертания берега стер.
 Но едем все дальше и видим: костер,
 Как рыжий бычок в травостое густом,
 Бодается, прыгает, машет хвостом.
 Мы мимо плывем посредине реки,
 Но нас окликают. Глядим: рыбаки.
 — Хлеб-соль, — говорим. А они: — Хлеба ись.
 Давай до утра на прикол становись:
 Вода тут бойка, а ночка глуха...
 И мы к мужикам, а у них — уха!

А рыба-то, рыба возле куста
От пламени кажется впрямь золота.
— Стерлядки, — светлеют лицом рыбаки, —
Здесь лавливал, бают, Петр Первый таких...
И мы представляем: сияющий Петр
Вперед мужиков достает перемет,
И в лодку к нему, серебристо горя,
Все шлепает стерлядь и брызжет в царя,
А он, утираясь, кричит, хохоча,
И требует всем по ковшу крепача.
...Лежим у костра мы — трава суха.
В янтарных звездах стерляжья уха!
Ах, эта уха до самой зари
Любого возводит на ночь в цари!
И третий наш друг говорит: — Не могу
Расстаться с красой на таком берегу...
А Сухона вьет берега впопыхах,
Один — в соловьях, другой — в петухах.

4

Вон выплыла церковь, как чайка, бела,
А избы по взгорью — два легких крыла.
Но ей не взлететь: обвиненьем лежит
Тем самым, кто путал, где бог, где мужик.
А ну-ка, пристанем. Ах, каменный ритм
Как много сегодня душе говорит!
Как дивен полет от избы до избы
Раскидистой, звонкой, веселой резьбы!
И друг наш, что более всех бородат,
Старинные вещи зовет собирать.
Да только старушки ох как умны:
Сперва узнают, кто такие мы,
Откуда плывем да родились где?..
Всех больше доверия бороде.
И слово за словом — красно, легко,
И тащат товарищу груду икон.
В затесах доски, черны, тяжелы,
Пронзительно*лики глядят из мглы.
Откуда они? Каких мастеров?
Быть может, какой неизвестный Рублев?
— Ну что там девчонки, — твердит борода, —
Старушки на Сухоне — это да!

Дары — что находки, слова — что вязь.
Нет, я не попутчик, друзья, для вас...
А Сухона льется уже в небеса,
Как будто курганы, темнеют леса.

5.

Еще поворот да еще поворот —
И город из белого камня встает.
В закате кресты изжигая дотла,
Торжественно блещут над ним купола,
А берег камнями веков замощен...
Прими, Устюг-батюшко, низкий поклон!
Выходим на берег. Ах, синь-глубина,
То былью, то небылью веет она!
Слышь: плещутся весла то там, то тут —
Не вновь ли торговые струги плывут?
Глянь: в плесе качается белый туман —
Не парус ли поднял Дежнев-атаман?
А сосны — быть может, не сосны в бору,
А просто чернение по серебру?..
Мы с кручи глядим. А под нами река
Летит, как истории русской строка.

1966 г.

ЛЮБЛЮ!

В глуби тысячелетий — в это верю! —
Дикарь однажды пристально взглянул
На соплеменниц молодых в пещере
И, удивленный, выделил одну.
Он стал средь равных гением в тот вечер:
От немоты своей свиреп и лют,
Упал, и в первый раз по-человечьи
Мучительное вырвалось: — Люблю!
И вот уже, сменяя озверелость,
Оно на всех наречиях светло
Рождалось словом, закипало, пелось
И в даль времен от сердца к сердцу шло.
Дышала этим словом Нефертити,
Сафо искала утешенья в нем,
С ним Ярославна птицею подбитой
Томилась в ожиданьи за Днепром.
И в Риме даже уличная девка,
Его услышав, как богиня, шла.
Но слово оборачивалось сделкой,
И этим сделкам не было числа.
И все-таки сквозь хлам словес избитых,
Сквозь ложь извечных подлецов и шлюх
От сердца к сердцу, словно вдох и выдох,
За горизонт времен летит: — Люблю!
...Я думаю, лежу на сеновале.
Мне грустно здесь: тебя со мною нет.
Из синих щели розовыми стали,
Потом из них плеснул желтый свет.
Толкаю дверь с размаху в синь и зелень —
Огромен мир. Себя я тороплю
И ощущаю сердцем, как сквозь землю
И сквозь меня проносится: — Люблю!

1966 г.

СТАРАЯ БОЛЬ

Всем сказал я до свиданья
И, не связанный ничем,
Ехал в тихое сиянье
Белых северных ночей.
Думал я: испью водицы,
Той, что пробовал не раз,
Над которой наклониться —
Щеки инеем обдаст,
Глубью черной и студеной
Опахнет из родника
И пронзит всего со звоном
После первого глотка.
Вот тогда-то мне и станет
Легче, проще и ясней...
Добрый вечер, домик старый
С родником у тополей!
Вот и вышло воротиться...
В нем один брожу-брожу,
Красна, пыльную божницу
По углам я нахожу.
Ржавый серп, трепало, прялку,
Крюк железного светца...
Нет, мне этого не жалко,
Жалко деда и отца,
Жалко материних весен
Пролетевших... догони!
Где же весны — сердце спросит,
Кто ответит — где они?
День, другой брожу и чую:
Нет, не легче, не ясней.
И вода уж не врачует:
Прежней силы нету в ней.
И тоски не пересилить

В серой дедовской избе...
Добрый пасечник Василий,
Я опять иду к тебе.
Слышу: в кустиках знакомых,
В стороне от глаз чужих,
Каждый луч среди черемух
Жаркой пчелкою жужжит.
Вижу: пчелы, искрометно
Пролетая синевою,
Золотые нитки меда
Тянут с солнца самого.
Ты, ей-богу, возникаешь
Из черемух и берез,
Мой советчик и товарищ,
Душу видящий насквозь.
И неопытную пчелку
Выпростав из бороды,
Обнимаешься неловко
Ты со мною, как с родным,
И уводишь в тень густую
На скамеечку в саду.
Говорю, что я тоскую,
Места дома не найду.
Ты молчишь, молчишь вначале,
Режешь мякоть спелых сот,
А потом уж отвечаешь,
Со своих взглянув высот:
— Ну, тоска... Не раз бывала
От ушибов и обид.
Это возраст перевальный,
Это старое болит.
Парень, ох, оно живуче,
В нем такая глубина.
Вот тебя тоска и мучит:
Дела требует она... —
Улыбаешься: — Не бойся
Никакой вовек тоски!
И съешь мне на подносе
Солнца влажные куски.

1967 г.

СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

— А ну садись-ка, Павла, к чаю!
— Да что вы, посижу и тут.
Вот знаю, как вас величают,
А не припомню, как зовут, —
И смотрит на меня с прищуркой.
А тетка шепчет ей опять:
— Да Олёмксандром. Раньше Шуркой.
Он все в ученье — негде знать. —
Гляжу, она к столу садится.
— Ой, Шура, память что дыра.
Уж не тебя ли это вицей
По кой-то год в гумне драла?.. —
И мне забавно вспомнить это.
Я Павле говорю: — Меня.
Мы там покуривали летом,
Боялись тяткина ремня...
И вот уже смеемся вместе
Над тем, что было так давно,
Ее пора и наше детство
В одно застолье сведено.
— Гляди-ко, стал какой разумный! —
Качает Павла головой. —
А я тогда была резуньей,
Какой была я молодой! —
И, что-то вспомнив, замолчала.
— Была и вправду соловей!
А ныне девки — что чучавки
С худым снопом на голове.
Навьют кудрей, как мотовилом,
Как косоватым батожком.
А платья — господи помилуй!
И ходят — все шажком, шажком!
Встревает тетка:

— Ну так, Павла,
Другая ныне и еда.
Мы из муки ржаной, бывало,
Заварим кашу иногда.
Горшок — не охватить руками —
Сперва ошпарим кипятком,
Да из загнетки красный камень
В него закатим кувырком,
Да со сметаною брусницы
Надавим в плошке через край —
И ешь, да чтоб не подавиться,
Ты вразумительно глотай.
Вот это каша — повалиха!
Поешь ее, ржаную, всласть —
Глядишь, и в дрему повалила,
С нее и силушка бралась.
Да, все бывало, все бывало...
И так мы долго рѣчь ведем.
И вот уж спать уходит Павла
В руке с пугливым фонарем.
И тетка мне готовит ложе
В углу, где на доске — святой.
— Хоть ты и служащий, но все же
Ложись-ко к богу головой.
Я улыбаюсь безотказно,
Ложусь и не могу я спать.
И вспоминается мне фраза:
«Он все в ученье — негде знать».
Да ведь и правда: жил годами
В больших и разных городах,
А приезжал в деревню, к маме,
То все как будто второпях.
Да я ль такой! Валили валом
Мы все дорогою одной,
А эти Дарьи, Марьи, Павлы
У нас ломили за спиной.
И кое-кто с высокомерьем
Нас попрекал, застав врасплох,
Крестьянским корнем и деревней,
Как будто этот корень плох.
И мы, не то чтобы поверив,
Но по наивности своей
Стесняться начали деревни,
Ну, то есть наших матерей.

И, в отпуск приезжая краткий,
Напялив модные штаны,
На деревенские порядки
Глядели мы со стороны.
Гордясь, не думали покуда
Того в ребячестве своем,
Что хлеб насущный, он — отсюда,
Отсюда — песни, что поем.
Смешная, право, вышла штука.
А что касается меня,
Еще отсюда и наука —
Глагол и вицы и ремня.
Теперь мы многое узнали...
Не дай нам бог, чтобы опять
Еще о ком-нибудь сказали:
«Он все в ученье — негде знать».

1967 г.

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОВОСТИ

Бабки ворчат
На своих внучат:
— С ними спокою нету!
Третьего дня был бы пожар:
Стащили — подумай-ко! — самовар
И ладят... эту — ракету!
Нас подкосило.
Вон Гришке спасибо —
Схватил. Глядят косовато.
Ну, вицей их,
Своих, не чужих.
«Мы, — орут, — космонавты!»
...А матери, слышу: «ох» да «ох»,
Когда рассказывают про снох:
— На поворотах уж так легки,
Будто наклепаны языки:
Что ни скажем — все невпопад.
Не экономны,
Не бережливы.
Получат получку — и в лавку живо,
И все наокруг начнут покупать.
...Еще похлестче
Судачат тещи,
Те разбирают по всем статьям:
— Разве нынче это зятя?
В пору всякую на колесах,
Поспевают и там и тут.
Привяжи их железным тросом,
Так и трос, поди, оборвут.
Да и праздников — звон сколько!
А на праздниках — ох, люты!
Да кабы с остановкой, толком,
Так куда там, куда, куды!

...В их словах, конечно, усталость
И, поверьте мне, доброта.
И ворчат порой неспроста:
Нелегко им в жизни досталось.
...А ведь будет такое с каждым.
Что же мы — интересно — скажем?!

1967 г.

Зеленое и голубое
Теплом провеяно насквозь.
Исходит светом — глянуть больно —
На деревенских крышах тес.
И жизнь обычная, как солнце,
Как небо и трава кругом,
То просверкнет и отзовется
С колодца радостным ведром,
То озарит на миг из кухонь
Улыбкой женской широко,
То опахнет горячим духом
Величественных пирогов,
То рассмешит мальчонкой малым,
Бегущим просто голышом
В траву, в кусты, куда попало —
Везде тепло и хорошо!
И никого, хотя бы смутно,
Не колет в сердце, что идут
Уже особые минуты,
И меньше, меньше все минут.
А мужики возле колодца
Скликают баб на сенокос
И, ожидая, как ведется,
Толкуют в шутку и всерьез
О молодушках и попутно
О женах собственных, о том...
Но тут последняя минута
Обрушивает черный гром!
Война!.. Мы помним это, помним.
Вот он сейчас передо мной,
Такой доверчивый, зеленый,
Последний день перед войной.
Когда б заране обозначен
Он был, то каждый бы из нас,

Конечно, жил мудрей, иначе,
Чтоб не казнить в горький час.
Увы! — такого не бывало.
И этот день уже давно
Сгорел за красным перевалом,
Но все равно, но все равно,
Лишь календарь приблизит время,
Смотрю: седые старики
Июньским вечером в деревне
Сидят, и взгляды их горьки.
И женщины, седые тоже,
Сойдутся где-нибудь к окну.
Их никому нельзя тревожить
Вот в этот горестный канун.
Я чувствую, как у России
Душа опять напряжена,
И, будто нерв, задетый сильно,
Пронзает мысль: зачем война?..
Зеленое и голубое
Теплом провеяно насквозь!
И так сияют — глянуть больно —
И крыши, и стволы берез.

1967 г.

ПАМЯТЬ

За печальной с крестами калиткой
Ныне бабкины единоверцы.
Память, будто светлая нитка,
Навита на живое сердце.

Хоть жила и грешно на свете,
Я храню о старушке память!
Больше некому. Знавших нету.
Ну, а если меня не станет,

Значит, нитка горько порвется
И в такие глубины канет,
Что поглубже любых колодцев,
Что темней любых океанов.

Эта мысль утешает слабо.
Скажем, с бабкой — дело простое:
Злой была и сварливой бабой,
Убиваться о ней не стоит.

Но ведь жило в нашем Залесье
Много добрых людей, заметных.
Их ни в сказке нету, ни в песне...
Нитка памяти, где ты, где ты?

Не отыщешь. Навеки скрыто
Все, что было здесь поначалу.
Значит, сколько в землю зарыто
Доброты, красоты, печали!

...Ох, не зря по весне дурманно
Полыхают луга и межи.

Вон у сумрачного кургана
Креп-трава розовато брезжит.
Если палец скользнул по бритве,
Болью зря себя не травите:
Креп-травы настоя глотните —
И не скатится ни кровинки.

Вон царевы кудри на взгорье,
Вон горлянки белой сиянье...
Это все от боли, от хвори,
Как о ком-то напоминанье.
Ну, а вон ползет на поляну
И теснит желтуха друг дружку.
На нее я с улыбкой гляну
И припомню нашу старушку.

1967 г.

Дома у клеверных окраин,
 Глядишь, прорежутся опять
 И обожгут то красной гранью,
 То белой гранью ослепят.
 И поле-полюшко все уже,
 Все ближе плещется ячмень,
 И кран подъемный полукружьем
 Висит на грани деревень.
 Скорей бы он достал их, что ли!
 Смотрю я на места свои
 И липу обнимаю с болью,
 Примятую у колеи.
 Я никакой-такой, конечно,
 И верен сызмальства родне,
 Но я и здешний и нездешний
 Теперь в зеленой стороне.
 Я хлебопашеского древа,
 Но лишь с меня который год
 Оно шумит не над деревней,
 Оно над городом растет.
 Не просто ветвью быть последней
 И цвезть уже в черте иной,
 Когда в глуби тысячелетий
 Прямой и трудный корень твой.
 Не просто быть на самой грани
 И вырастать наискосок,
 Когда порой саднит и ранит
 Идущий с корня горький сок.
 Но ветвь растет! И гонит время
 В ее листву свои ветра.
 И пронизательнее зренье
 Во мне сегодня, чем вчера.
 Я дни беру в росе и травах,
 Граню, врубаю их в металл,

Но вдруг усталость свяжет странно,
Как будто я стога метал.
Приду под вечер в дом огромный,
Усталость — с плеч, из сердца — грусть,
Но где-то скажется гармонья,
И не сдержусь, к окну рванусь.
Весь день в движеньи равномерном
Я с городом наедине.
Но только ночь — и вновь деревня
Тоскует и поет во мне.
И телемачта ночью синей,
Что мне над крышами видна,
Нередко чудится рябиной,
Которая красным-красна.

1967 г.

НОВОСЕЛЬЕ

— Вы стесняться бросьте,
Дорогие гости,
Кверху проходите,
Место находите, —
Теща тараторит,
Тянет всех подряд.
— Дом-то, дом—как город!—
Гости говорят.
Из окна по лесенке
Раскатилось солнышко
Вниз половиком.
Подниматься весело,
Радостно,
Легко.
Струганные стены
Гулки, светлы.
Золотом густеют
Капли смолы.
Ну, а дух — кормит!
Чистый, лесной,
Холодит в горле,
Будто весной...
— Подвигайтесь, гости,
За столы, братки!
И летят на гвозди
Кепки и платки.
Молодой хозяин
Туго дело знает:
Молодой хозяин
Только подливает.
Смотрит, смотрит дедко.
Ох, — остер, как редька, —
Притворился, шут:

— Это вот веселье
Нонечи зовут
Вроде многозельем?..
Все ему орут:
— Нет же, новосельем!
Дедко щурит глаз:
— Понял, понял вас.
Все веселье стало
Без устава ныне.
А при жизни старой
Звали мы — влазины.
Я скажу хозяину —
Тут его касаето:
Как по полу ходить —
Так по полю ходить.
Жить хозяйке в дому —
Как оладье на меду.
А кровати вашей
На точеных ноженьках
Быть горою днем,
Ночью — поженькой!
Дедко поднял рюмку,
Как птенца за грудку,
Над питьем-едой.
— Раньше горницу кропили
Мы святой водой.
Нынче нету такой,
Так придется водкой.
Ну, а водкой — вот как!
И взлетел «птенец»
Под матицу...
Ну, дед — молодец!
Шум катится.
И пошло, поехало,
Где ты, красномехая?
Эх, серьезна жизнь —
Хромки все перевелись.
...За внучонком дедовым
Поскорее сбегали.
Сел с гармоньей-радугой
На порожнем ящике.
Нога — на ногу,
Сопля — на щеку.

Ну давай! Для разворота
Дом раздвинуть бы охота!
Научились мы работать,
Разучились отдыхать.
В дни торжеств и новоселий
Ленту красную веселья
Научиться бы вплетать!

1967 г.

ДУМА

Береза — в утешенье.
Рябина — в украшеньё.
Лишь елка одна
Для дела годна.
Поскольку ты ядреная —
Ложись-ко в стены бревнами,
Поскольку терпеливая —
Давай вставай стропилами,
Поскольку высока —
Глянь тесом в облака!
Куда уйти от участи,
От этой неминуемости?
Плывет над лесом шум.
Приходится ей мучиться
От невеселых дум.
Но хорониться по лесу,
Как злой крушинник понизу, —
Характер не тот.
Под грозами, под ливнями
Не гнется, терпеливая,
До солнца растёт.
И смотрит на деревья,
И думает про то:
Ну, как же в деле верном
Ее заменит, кто?
Береза — в утешенье.
Рябина — в украшеньё...

1968 г.

Смотрю: подружки городом
Молодо летят.

Платья с модным воротом,
С ознобом взгляд.

Робеют парни многие,
Держатся в тени:
Артистки филармонии,
Быть может, они?

У кассы подружки
В толпе девчат:
— Здравствуй, Нюшка! —
Третьей кричат.

В веселой давке
Плывет билет.
— Ой Лидкя, Енавка,
Поклон, привет!

Сразу раскололась
Скрытность вся:
Вызвенели колосом
Голоса!

А рядом льются улицы,
Идти легко.

Смотрю: сутулятся
Старушки у ларьков.

Бери — чего короче бы,
Но что ни говори —
Чувство очереди
В крови, в крови.

Топтать ногами время
Навыкли с горьких пор.
— Ты, Павла, остарела, —
Слышу разговор.

— Дак ведь секёт забота,
Весь век в гуже горю,
А у зятка в полрота
Теперь говорю...
И вновь защемило
Чем-то таким
Давним, милым
И дорогим.
А город крутится,
Сердце раздвоив:
Льются, льются в улицы
Деревни мои.
Стонут магистрали,
Гудом гудят
И рвутся вдали
За рядом ряд.
С горизонтом вровень
Уже встают — взгляни! —
Как мехи гармони,
Растянуты они!

1968 г.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Анастасие Александровне

Над головой — проталинка,
Прогалинка, синь.
По капельке по маленькой
С нее — дзень, дзень.
И яснится, яснится
У меня взгляд.
И на сердце, на сердце
Капли летят.
Вытаивает снова
Прежняя грусть.
Жарко и ознобно
К дроле рвусь.
Она за дальним волоком,
За Кубеной-рекой.
А волок — синим облаком:
Дороги — никакой.
Подождать хоть бы
Немного тут,
А там пароходы,
Глядишь, побегут.
Так нет, башка горячая,
Куда уж там — потом.
Гостинец в сумку прячу —
И ну давай пешком.
Дорога еле брезжит:
Ельник кругом.
Луна, что глаз медвежий,
С тучкой-бельмом.
А мне не страшно.
Иду, свечусь —
Пиджак нараспашку
От смелых чувств.

Встань на дорогу —
И сам медведь —
Смогу, ей-богу,
Сшибить, одолеть.
И думы боле
Нет в потаях —
Только о дроле,
О серых глазах,
О свежих губах,
Жарких впотьмах,
Об озаренье
Ее лица,
Об откровенье
Возле крыльца...
Лечу, метелю —
Не тяжело.
Кончился ельник,
Смотрю — рассвело!
Смотрю ошарашенно:
Лежит за бережком
В золотом шалашике
Солнце колобком.
И сразу здешним жителям
Кричу издалека:
— Не это ли, скажите,
Кубена-река?
— Да, — отвечают, — Кубена.
— Спасибо, — говорю
И улыбаюсь глупо я,
И чувствую — горю.
— Еще скажите: как бы
Перебраться мне?
— Да он в уме ли, бабы?
Право, не в уме.
Смотри-ко, водополища
Вон какая прет,
И трещит, и колетя
На Кубене лед...
Я говорю, не дрогнув:
— Вернуться не могу.
— Ты что, оставил дролю
На том берегу?
— Оставил и тоскую...
В них вспыхнул интерес.

— А мы найдем другую,
Оставайся здесь.
На нашей речке-матушке
Сахарно живут.
Привадушки, повадушки,
Ой, какие тут.
Здоровые да чистые,
Долгой красоты,
Кто был — никто не выстоял,
Так выстоишь ли ты?..
И смотрят завлекательно,
Лукаво брови гнут,
Теплом меня окатывают
Несколько минут.
Я чувствую: сгораю
На стылом берегу
И твердо повторяю:
— Остаться не могу!
Они как будто сердятся:
— Раз так — бреди,
Да только сердце,
Смотри, не застуди...
Эх, кубенская, быстрая,
Надледная вода,
Ты помоги мне выстоять —
Сама молода.
Скольжу неуверенно,
Холодею весь,
Разводья меряю
То там, то здесь.
Куда ни тронусь,
Как на беду —
Уже по пояс,
А все ж бреду.
Боязно, страшно
И глянуть вниз.
Женщины машут:
— Парень, вернись!
Не воротиться,
Была — не была!
Сумка с гостинцем,
Смотрю, поплыла.
Материн сладкий
Пирог — ко дну,

И сам я слабну,
Тону, тону.
Руки в ссадинах...
Только вдруг
Вижу спасательный
Красный круг.
Бросил колышек —
И вперед.
Ах, это солнышко
Там плывет.
Кажет льдины
На глубине,
Вьет золотые
Веревки мне.
Хватаю, верю,
Плыву, плыву —
И вот он, берег,
Он — наяву!
За льдистым крошевом,
Так далеки,
Вижу — восторженно
Вьются платки.
И чуть не погубленный
В яростном льду,
Счастливый, за Кубену
Утром иду.
До боли, до рези —
Не глянуть никак —
Сияет березник,
Сияет сосняк.
Сияет и щепка,
Которую пнул.
От Кубены крепкий
Доносится гул.
Во рту пересохло.
Бегом я, бегом —
И вот невысокий,
С перильцами, дом!
И стукнули дверцы,
И, смятена,
Наконец-то
Она, она!
И не выговорить —
Тишина...

Лишь утро, утро
На свежих губах,
Так безрассудно
Жарких впотьмах.
И озаренье
Ее лица
В тени деревьев,
В тени крыльца.

1968 г.

АХ, ЕСЛИ БЫ...

Автобус отчаянно
Расфуркивает снег
И средь зимы качается,
Как Ноев ковчег.
Ключут старухи носом,
К вещам полуприсев.
Старух по свету носит:
На пенсиях все.
И пожилых семеюшка
Страдает от угара.
И вдруг — девушка,
А рядом парень!
И стало радостно,
Свежо, хорошо.
Кондуктор продирается,
К ним подошел.
К ремню приколотые
Билеты теребя:
— Серебром ли, золотом ли
Сдать с рубля?
Девушка смеется
И щурится от солнца.
— Ах, дело больно молодо —
Сдавать придется золотом!
Горят на солнце денежки,
Все медные подряд,
А на ладони девушке
Золотом летят.
Ей не уйти, не вылезти
От парня у окна.
От этой первой близости —
Вся полымем она.

Еще и солнце светит,
И оба смущены.
Лишь взгляд сверкнет
То с этой,
То с той стороны.
Сидят, молчанье стронуть
Не может ни один.
Куда они, и кто они,
И что там, впереди?
Дорога лесом катится,
Все бурелом, кусты.
И кажется мне, кажется,
Что это я и ты.
И, золотясь на солнце,
Спадает, как пришлось,
И вьется, густо вьется
Коса твоих волос.
Мы только что знакомы,
Один на один.
Куда же мы, и кто мы,
И что там, впереди?
Так странно, интересно
Еще не знать судьбы...
Ах, если бы да если,
Ах, если бы кабы!

1968 г.

СМОТРЮ ОПЯТЬ...

Смотрю опять, как в синеве дремотной
Окошки проступают все жарчей
И долго наливаются, как соты,
От близкого дыхания печей.
И слышно, как тропа морозно вьется
И как ведро по холоду плывет:
Веселое — до самого колодца,
Спокойное — обратно до ворот.
Мать окликает из крыльца кого-то,
Спешит навстречу в тихой полумгле...
Простые, каждодневные заботы
О хлебе, об уюте и тепле.
И в поисках судьбы, чем эта, ярче
И мудрости, чем эта, поновой
Уходим мы решать свои задачи
От чистых речек и ржаных полей.
И чем смелее мы берем высоты,
Тем беззащитней тянут нас к земле
Простые, каждодневные заботы
О хлебе, об уюте и тепле.

1968 г.

СО МНОЙ СЛУЧИЛОСЬ...

Со мной случилось вот что:
Взглянул и понял вдруг,
Что друг, давнишний в общем, —
Совсем, совсем не друг.

Нежданно в час рисковый,
Где взять двоим бы груз,
Он вывернулся с корнем,
Как вересковый куст.

Как этот куст, он грудил
Замахи без числа,
Которые что прутья
Без главного ствола.

Теперь лишь издалека
Я посмотрю на куст:
Средь елочек — как елка,
И величав, да пуст.

А подойду поближе,
Взгляну — у сосняка
Уже сосенкой рыжей
Встает исподтишка.

...Есть главная работа —
Чтоб в каждом проросла
Надежность и добротность,
И прямизна ствола.

Есть главная забота,
Ее важнее нет —

Не стричься под кого-то,
Не лезть в тореный след,
С другим себя не путать...
Лишь одного страшусь:
Вдруг покажусь кому-то
Таким, как этот куст.

1968 г.

УРОКИ

Жену обидеть — выхолодить дом
И самому обогреть потом.

Обидеть друга — друга потерять,
Умножив без того число утрат.

Обидеть мать, которая любя
Тебя вскормила, — потерять себя.

Обидеть словом — нужен только миг,
И сразу на сердцах уже ледник.
А чтобы расколоть его меж нами,
Мы платимся, случается, годами.

...Не красными словами.

1968 г.

ЧТО ЗАВИСТЬ!

Что зависть? Тень на сердце и глазах.
И далеко ли видится впотьмах?

Что зависть? Немота ленивых рук.
А ты раздвинь, раздвинь привычный круг!

Что зависть? Мелкота своей души.
Поглубже, значит, борозду паши!

И верь, что и тебе судьба дала
Большую жизнь и добрые дела.

...Так накажи и сыну своему:
Вовеки не завидуй никому!

1968 г.

ПОЛОТЕНЦЕ

Из ковшика в сенцах
Лицо я умою.
Возьму полотенце
У мамы льняное.
Возьму полотенце
Старинной работы,
А вот утереться
Все медлю чего-то.

Я знаю, я помню
Отчетливо смалу,
Как мама с любовью
Его вышивала.

Грустили и пели
У ней в поединке
На полюшке белом
Крученые нитки.
То крестиком — ловко,
То нежно — овалом —
И пряха-молодка
На льне оживала.
В кокошнике ярком,
В цветном сарафане
Тоскует за прялкой
И ниточку тянет.
И русскою вязью,
Узорной, как листья,
Подметано ясно:
«Пряди, не ленися».

...В заботах, в тревогах
Далеко от дома

Мотают дороги
Меня, уж седого.
С разгона, с размаху
Дни мчатся за днями,
А строгая пряха
Все ниточку тянет.
И на небе светлом
Все кружится солнце,
Как будто бы это
Ее веретенце.
Взгляну я на дали,
Взгляну я на выси
И выдохну тайно:
«Пряди, не ленися».
И с радостным сердцем,
Устав от разлуки,
Уткнусь в полотенце,
Как в мамины руки.

1968 г.

РАЗГОВОР С ХУДОЖНИКОМ КОРБАКОВЫМ

Даль осени остылой
Печальна и чиста.
И благостен пустынный
Из тихого скита.
Со взором проясненным
Бредет едва-едва,
И гаснет с мягким звоном
Озябшая трава.
Не мой ли это прадед
Бежал от суеты
Искать для сердца правды
В озерные скиты?
Не знаю. Вьются ветви
Меж нами широко.
Так почему — ответь мне,
Владимир Корбаков, —
Повеет вдруг — не богом —
Пронзительным до слез,
Лишь гляну на глубокий
На нестеровский холст.
Встревожит знаком вещим
И в сердце упадет
Тот взгляд, в себя ушедший,
И посох мудрый тот.
И тронет ненароком,
Вся в инее насквозь,
Из той поры далекой
Рябиновая гроздь?..
Ответишь мне по-свойски
На то, что я спросил,
Что это отголоски
Исчезнувшей Руси.
С какой надеждой краткой —
Ты скажешь — приглядишь,

В мучительной догадке
Дышала эта кисть
Травой, цветком, росинкой,
Чтоб выявить одно:
Куда ж идет Россия,
Что сделать ей дано?

...Нелегок путь до истин,
И бились неспроста
Пророческие кисти
На золотых холстах.
А Русь простолюдинкой,
Тоскуя и грозя,
Все шла, и плыли в дымке
Прекрасные глаза.

...Летят все круче годы,
Туманами струясь.
Куда же Русь уходит?
А Русь уходит в нас!
Сквозь бури революций,
Сквозь оттепель и стынь
Уходит, чтоб вернуться
На свежие холсты.
И в ней опять загадка,
И глубина опять.
Гордиться нам и плакать,
Терять и вновь искать.

1968 г.

МЕД

Веселая хозяйка
Меня будить идет.
— Ну, гостенек, вставай-ка,
Позавтракать черед.
А в чашке до закрайка
Опять желтеет мед.
Ах, мед! Янтарной глыбой
Морозно он огруз.
Зернист — к ножу не липнет,
Не выворотишь — густ.
То клеверком, то липой,
То яблоней на вкус.
Беру я понемножку,
Чтоб оценить сполна.
Сует хозяйка ложку
Серебряную — на.
Смотрю — узор хороший:
Из Устюга она.

— Да пробуй, пробуй, —
Снова хозяйка мне поет, —
Поди, не ел такого —
У нас на травах мед.
Уже само и слово
Так к языку и льнет.
Его я повторяю,
И в зимнее окно
Взаправду веют травы,
А с ними заодно
Славянские дубравы
И жарко, и хмельно.
Меды в ковшах бродили,
И в дальних далях, там,

Садился князь Владимир
К дружине и гостям.
Меды во имя мира
Катились по устам.
Пылала песнь Бояна
Под чаши в горький год,
И эта песнь не вянет
Про Игорев поход.
Как дух густой, медвяный,
Из века в век плывет.
Всего бывало вдоволь,
И многое ушло.
Но в каждом нашем доме
Всегда лежит светло
В посуде круг медовый —
Земли родной тепло.

1968 г.

Влетела, что сквозняк, повестка —
И стало в доме холодней.
Тут посоветоваться не с кем,
Лишь только с совестью своей.
Все стало близко, что далеко:
Я вспомнил, глядя сквозь лета,
Как тенью в солнечные окна
С пакетом нарочный влетал.
И мой отец с печалью строгой
Мать обнимал и говорил:
— Ну, что же, мать, собирай в дорогу,
Суши в дорогу сухари...
Ах, как мы поздно понимаем,
Что тают, будто снег, года,
Что ожидаемое нами
Так неожиданно всегда!
Уже и сын мой вырос к сроку,
И нам не легче, чем другим.
Ну что ж, собирай, жена, в дорогу,
Пеки для сына пироги...
А он идет, как я, вразвалку,
Густые волосы — врассыпь.
И жалко мне — вот так, как жалко,
И гордо мне, что взрослый сын.
И знаю, что над домом каждым,
Лишь подойдет его черед,
Рассвет задумчивый однажды
С шинельным отблеском встает.
Дорога русской далью брезжит,
Трубит ветрами на лету
И там сливается, как прежде,
В одну железную черту.

1969 г.

ГРАНИЦА

Далеко ли далекая граница,
Замкнувшая российский материк?
А если что-то вдруг на ней случится,
Всего — секунда, миг!
Теперь меридианы, параллели
От спичечного запаха войны,
Как будто жилы, все переболели,
Как будто нервы, все напряжены.
И если что-то — вот она, граница,
Под сердцем самым!
Все больней, острей.
И над стволами сыновей таится
Недреманное око матерей.

1969 г.

СОДЕРЖАНИЕ

«Кругом вода сильна, нетороплива...»	3
Секретарь райкома	4
Трое	5
Домашняя хозяйка	6
«Мы только вместе посидели...»	7
«Поверишь ли, здесь не природа — чудо!»	8
Вина товарища	9
Лето	10
У стога	11
«Сойдешь на тихом полустанке...»	13
Сосна	15
Русская печь	16
Солдат	17
Гора	18
Ровеснику	20
«Красной копной на пригорке...»	21
«Его осанка, подбородок, взгляд...»	22
«Неяркое позднее лето...»	23
Пляска	24
Сидит старик на мельнице	25
Дипломат	26
Вытегоры	28
«И младший сын уже оставил дом...»	29
Киножурналы	30
Ель	32
«Как услышу я знакомый говорок...»	33

Женится начальник лесопункта	34
Тетерев	36
В автобусе ехала женщина	38
Зимнее утро	40
Посвящение в родню	42
Дождь	44
«У матери старой три сына...»	46
«Картошку девушка копает...»	47
«Разлука, что зима у нас на севере...»	48
«Ты нежданно и негаданно...»	49
Предок	51
Константин Батюшков в Париже	52
«Хоть солнце и зашло уже...»	54
«Когда он сказал: «А ну потесней!»	55
Смерть коммуниста	57
«Имена становятся отчеством...»	58
«С Ярославского вокзала»	59
«Ах, свадьбы шумные!..»	61
«Судьба не сладкая — вдовья...»	63
«Ты что-то мне напомнила, рябина...»	64
Петр Великий	65
«Тревожно, и сладко, и грустно...»	67
Ливень	68
«Беру себе в попутчики...»	69
«Мы — как дерево ныне...»	70
Гармонь	71
Еня	74
Друзья	76
Тревога	78
Сухона	81
Люблю!	85
Старая боль	86
Серьезный разговор	88
Деревенские новости	91
21 июня 1941 года	93

Память	95
Грани	97
Новоселье	99
Дума	102
В городе	103
Первая любовь	105
Ах, если бы...	110
Смотрю опять	112
Со мной случилось...	113
Уроки	115
Что зависть?..	116
Полотенце	117
Разговор с художником Корбаковым	119
Мед	121
«Влетела, что сквозняк, повестка...»	123
Граница	124

Александр Александрович Романов
ИЗБРАННОЕ

Редактор В. К. Лиханова
Оформление Г. и Н. Бурмагиных
Художественный редактор
В. С. Вежливцев
Корректор Н. К. Галкина

ГЕ01758.

Сдано в набор 2. 6. 1969 г.

Подписано в печать 2. 7. 1969 г.

Формат $70 \times 90/32$ (бумага типографская № 1).

Физ. печ. л. 4,0 Усл. печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 4,481.

Тираж 10 000. Заказ 2095.

Цена 62 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Архангельск, П. Виноградова, 76.

Областная типография,
Вологда, Калинина, 3.

Родина Александра Романова — лесная деревня Петряево, в ста километрах от Вологды. Родился он в семье учителя в 1930 году. Окончил Вологодский педагогический институт и Высшие литературные курсы в Москве.

Александр Романов — автор семи сборников стихов. Два из них вышли в Москве, остальные — в Вологодском и Северо-Западном книжных издательствах.

Верный теме Севера, Романов рисует в своих стихах картины природы родного края и самобытные народные характеры, размышляет о жизни, о товариществе, о людских судьбах.

В книгу «Избранное» вошли лучшие стихи А. Романова, созданные им в разные годы, а также новые произведения последних лет.

Цена 62 коп.

